На правах рукописи

Житко Роман Геннадьевич

КАТЕГОРИЯ «НИЧТО» В ТВОРЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ МОДЕРНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

по специальности 5.9.3. Теория литературы

Гродно - 2025

Работа выполнена на кафедре русской филологии Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Научный руководитель: **Автухович Татьяна Евгеньевна,**
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской филологии
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Официальные оппоненты: **Абрамовских Елена Валерьевна,**
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения
ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»

Федунина Ольга Владимировна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела «Литературное наследство»
ИМЛИ РАН

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования **«Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»**

Защита диссертации состоится « 29 » мая 2025 года на заседании диссертационного совета 24.2.366.06, созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», по адресу: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6. и на сайте РГГУ.

Автореферат разослан «_____» _____ 2025 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филол. наук, доцент Ю. Г. Бит-Юнан

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

XX век стал временем трансформации философских и научных представлений, что обусловило, с одной стороны, творческую рефлексию о мире и человеке в гуманитарной науке, искусстве и литературе, с другой стороны, радикальную смену эстетических ориентиров. Одной из значимых проблем литературы XX в. стала творческая рефлексия о *Ничто* (с которым в культурологическом и художественно-семантическом смысле взаимосвязана *категория Пустоты*), определившая эстетику и поэтику модернизма и постмодернизма. В *теоретико-литературном* аспекте актуальность исследования роли Ничто в художественном миромоделировании, а также способов его репрезентации в тексте диктуется спецификой данной категории как ментального феномена, обозначающего чистое *небытие*, и отсутствием его системного теоретического осмысления как объекта творческой рефлексии в литературе модернизма и постмодернизма. В *историко-литературном* отношении исследование является необходимым для определения значимых отличий между модернизмом и постмодернизмом, для понимания основных направлений художественных поисков писателей и поэтов XX в. Изучение творческой рефлексии о Ничто предполагает осмысление художественной философии автора в тексте, что важно для определения тенденций и факторов развития литературы. *Культурологическое значение* исследования обусловлено тем, что утрата Ничто, его обессмысливание и ценностное опустошение во второй половине XX в. представляется проявлением духовного кризиса, который определяет современное общество; восстановление Ничто в картине мира может способствовать преодолению нравственного релятивизма, характерного для искусства постмодернизма. Актуальность исследования, кроме перечисленных общенаучных аспектов, видится в утверждении значимости духовной составляющей в развитии литературы и искусства.

Теоретические основы данного исследования составили литературоведческие, культурологические и философские и труды зарубежных (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ж. Ф. Лиотар, О. А. Ханзен-Лёве, О. Шпенглер, Ф. Фукуяма, Ф. Джеймисон, У. Эко и др.) и отечественных (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. И. Тюпа, Н. Д. Тамарченко, А.П. Скафтымов, А. Ф. Лосев, Н. Р. Саенко, В. С. Севастьянова, И. И. Плеханова, М. Н. Липовецкий, М. Н. Эпштейн, Г. Л. Нефагина, Т. Е. Автухович и др.) ученых.

Цель данного исследования – определить специфику и способы репрезентации творческой рефлексии о Ничто в эстетике, поэтике и ценностной системе модернизма и постмодернизма.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) концептуализировать историю осмысления Ничто в культуре для обоснования ее значимой роли в эстетике литературного направления;

2) обосновать методологические принципы исследования Ничто в тексте художественного произведения;

3) установить приемы онтологизации Ничто в моделировании времени и пространства в литературе модернизма и постмодернизма;

4) определить специфику репрезентации Ничто в образно-мотивной парадигме модернистского и постмодернистского текста как отражение разных гносеологических установок писателей;

5) выявить своеобразие Ничто в ценностных системах модернизма и постмодернизма.

Объект исследования – творческая рефлексия о Ничто как определяющий фактор эстетики и поэтики модернизма и постмодернизма.

Предмет исследования – особенности художественной репрезентации творческой рефлексии о Ничто в хронотопе, образно-мотивной и ценностной системе литературы модернизма и постмодернизма.

Выбор объекта и предмета исследования обусловлен актуальностью теоретико-литературного осмысления Ничто как фактора модернистской и постмодернистской эстетики и поэтики для современного литературоведения.

Материалом являются актуальные в аспекте данного исследования поэтические и прозаические произведения русской и зарубежной литературы модернизма и постмодернизма, в которых наиболее репрезентативно представлена специфика текстового воплощения категории Ничто/Пустота.

Основными **методами** исследования стали структурно-семиотический, сравнительно-типологический, генетический, герменевтический, а также элементы культурно-исторического подхода.

Научная новизна

В диссертации впервые выявлена онтологическая, гносеологическая и аксиологическая специфика творческой рефлексии о Ничто в литературе модернизма и постмодернизма; обоснована методология литературоведческого исследования способов репрезентации Ничто в тексте художественного произведения; определены приемы образного воплощения (означивания) Ничто в модернистской и Пустоты в постмодернистской художественной парадигме; обозначена роль Ничто в построении хронотопа в модернистском (структурная, смысловая и ценностная дихотомия художественного мира) и Пустоты – в постмодернистском (плюрализация и виртуализация хаотического времени/пространства) произведении; установлена аксиологическая амбивалентность Ничто в литературе модернизма и нейтральная (элиминированная) ценностная природа постмодернистской Пустоты.

Положения, выносимые на защиту

1. Представление о Ничто присутствует в культуре в качестве архетипической универсалии, определяющей понимание пространственно-временной структуры бытия, и получает осмысление в рамках мифологических, религиозных и философских систем. Актуализация интереса к Ничто характерна для рубежных периодов истории, в том числе для XX в., когда Ничто осмысливается не только как проблема онтологии и гносеологии, но и как аксиологическая проблема, становясь центром дискуссии о человеке, границах его свободы и месте в мире. Значимая роль Ничто в философских представлениях XX в. обусловливает его присутствие в творческой рефлексии о мире и определяющее влияние на принципы эстетического освоения действительности в литературе.

2. Методология исследования Ничто в художественном произведении основывается на понимании данной категории как телеологического фактора, обусловливающего целостность произведения, в котором вопросы авторской онтологии, гносеологии и аксиологии соотносятся со структурными уровнями объектной организации – хронотопом, образно-мотивной парадигмой и воплощенной в них системой ценностей.

3. В литературе модернизма представление о Ничто, восходящее к мифологическим, религиозным представлениям и философским концепциям, онтологизируется в циклическом хронотопе, где становится «рубежным» и в то же время связующим компонентом, обусловливая антитезу «уничтожение–творение». Для литературы постмодернизма характерна деонтологизация Ничто: время и пространство «пустого» постмодернистского мира, подвергаясь смысловой и структурной деконструкции, становятся фрагментированными, хаотическими, алогичными, подчеркивая условность виртуального хронотопа.

4. В литературе модернизма Ничто коррелирует со сферой Непознанного, Сакрального и Трансцендентного, познание которого достигается путем «опредмечивания» в образно-мотивной системе. В поэтике постмодернизма Пустота отражает проблематичность познания обессмысленной реальности, опустошенной в семантическом отношении, и превращается в «пустой знак» ввиду отсутствия референтного содержания.

5. Ценностная система в литературе модернизма структурируется согласно логике архетипических бинарных оппозиций, что проявляется в амбивалентной коннотации Ничто в тексте, где отрицательный модус связан с мотивами утраты, умирания, опустошения, а положительный – с семантикой творения. Для художественной философии постмодернизма характерна аксиологическая нейтрализация любого явления, в том числе Пустоты, что выражается в разрушении ценностной иерархии, а также иронической деконструкции сферы Сакрального.

Личный вклад соискателя ученой степени в результаты диссертации с ограничением их от соавторов совместных исследований и публикаций

Диссертационное исследование полностью выполнено соискателем самостоятельно. Все полученные результаты, изложенные в публикациях, являются итогом работы соискателя; все опубликованные работы выполнены без соавторов.

Практическая значимость исследования

Результаты диссертационного исследования могут использоваться в дальнейших философских и литературоведческих изысканиях по проблеме творческой рефлексии о Ничто, а также при изучении художественной философии, эстетики и поэтики литературы модернизма и постмодернизма; в практике вузовского преподавания теоретико- и историко-литературных дисциплин. На основе достигнутых результатов возможно составление справочных и учебных пособий.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов

Результаты диссертационного исследования апробированы на 15 научных конференциях: Международной конференции «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики» (г. Гродно 17–22 сентября 2012 г.; 18–23 сентября 2014 г.; 19–23 сентября 2016 г.; 21–23 сентября 2018 г., 21–25 сентября 2020 г.); студенческой научной конференции «Наука» (г. Гродно, 23–24 апреля 2012 г.; 13–14 мая 2014 г.; 14 апреля 2015 г.); V Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов (г. Брест, 19–20 февраля 2015 г.); Республиканской научной студенческой конференции «Христианские ценности в культуре современной молодежи» (г. Минск, 18 декабря 2015 г.); Международной научно-практической конференции «Стратегии жанрового развития русской литературы в мировом историко-культурном контексте» (г. Брест, 16–17 марта 2016 г.); Международной научной конференции «Современная русская и зарубежная литература: «новое» как историко-литературная проблема» (г. Воронеж, 25–26 марта 2016 г.); Международной научной конференции «Эстетические модели русской литературы II. Эстетика и мировоззрение» (г. Белосток, 9–10 марта 2017 г.); VI Коложских образовательных чтениях (г. Гродно, 7–8 декабря 2017 г.); Международной научно-практической конференции «Искусство слова в диалоге культур: литературные иерархии и репутации» (г. Брест, 15–16 февраля 2018 г.).

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (акты внедрения № 03–8/121 от 15.09.2015; № 03–8/119 от 11.09.2017; № 03–8/120 от 11.09.2017).

Опубликованность результатов диссертации

Основные положения и результаты диссертации отражены в 30 публикациях: 3 статьи в Рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук ВАК при Минобрнауки Российской Федерации (из них 1 статья – в журнале, относящемся к категории К 1), 8 – в научных журналах, 14 – в сборниках научных работ, 5 – в сборниках материалов научных конференций. Общий объем опубликованных работ составляет 14,65 авт. л.

Структура и объем диссертации

Диссертационная работа состоит из введения, общей характеристики работы, трех глав, заключения, списка использованных источников, включающего 347 позиций (из них 30 – публикации автора), и пяти приложений. Полный объем работы составляет 198 страниц, из них основной текст – 156 страниц; библиографический список расположен на 37 страницах, приложения – на 5 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи работы, а также объект и предмет исследования, описывается степень изученности, научная новизна и теоретико-методологическая основа рассматриваемой проблемы, обосновываются понятийный аппарат и выбор материала, формулируются выносимые на защиту положения.

В главе 1 **«Творческая рефлексия о категории Ничто как объект научного осмысления»** характеризуются основные направления изучения мировоззренческой категории в гуманитарной науке, выявляются проблемные аспекты, определяется методология исследования.

В разделе 1.1 **«Аналитический обзор по теме диссертации, определение проблемного поля и методологии исследования»** показывается, что основным направлением теоретического осмысления Ничто в гуманитарной науке XX в. является установление онтологического (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Л. И. Шестов, Н. М. Солодухо), гносеологического и аксиологического (Е. Л. Яковлева и др.) статуса данной категории. Изучается генезис и функции категории Ничто в культуре (О. М. Фрейденберг, А. Ф. Лосев, В. Н. Нечипуренко, Д. Л. Родзинский, Д. Н. Обыдённый, Р. А. Нуруллин, П. А. Сапронов), эволюция представлений о Ничто в различные эпохи и причины актуализации Ничто в литературе и культуре (П. В. Шубина, Л. Шепетис, Н. Р. Саенко), значимость Ничто в философии модернизма и постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Ф. Лиотар, М. Н. Липовецкий, Г. Л. Нефагина, Д. В. Затонский,

М. Н. Эпштейн, А. А. Генис и др.). Констатируется, что вопрос о соотношении понятий Ничто и Пустота в философии, культуре и литературе XX в. остается открытым.

Отмечается, что в литературоведении рассматривается семантика Ничто (В. С. Севастьянова, И. А. Бобрышева, М. Л. Гаспаров, Ю. М. Лотман и М. Ю. Лотман, И. И. Плеханова, А. А. Генис, О. А. Глазунова, Х. Е. Ким, Ч. Е. Ли, В. И. Козлов, А. А. Александрова и др.), связь Ничто с концепциями времени и пространства (Е. В. Мельникова, Н. Г. Медведева, Н. С. Касюк, Л. Г. Панова) в произведениях писателей модернизма и постмодернизма. В рамках изучения постмодернистской художественной парадигмы определяется связь Ничто и его редуцированного замещения в виде Пустоты с трансформацией художественного языка (М. Н. Эпштейн, И. Н. Александрова, Н. Р. Саенко, М. Б. Ямпольский, Т. Т. Давыдова, И. К. Сушилина), «виртуальностью» художественного мира (Е. М. Тюленева, Е. В. Комовская, К. В. Шульга), симулятивной природой художественной реальности (И. С. Скоропанова, Н. А. Нагорная, Н. Л. Шилова), с категорией хаоса/хаосмоса и идеями теории синергетики (Э. А. Усовская, О. С. Чебоненко, И. С. Скоропанова, А. Р. Усманова, Н. В. Ламеко).

Обзор научной литературы по проблеме исследования подтверждает актуальность темы диссертации на уровне объекта, предмета и материала исследования. Работы рассмотренных в обзоре авторов составляют философскую, теоретико- и историко-литературную основу диссертационного исследования. Делается вывод о том, что концептуальная значимость Ничто в культуре XX в. обусловливает необходимость ее системного теоретико-литературного изучения в литературе модернизма и постмодернизма в аспекте эстетики и поэтики, а также динамики художественных парадигм.

В разделе 1.2 **«Концептуализация Ничто в культуре»** выявляется специфика осмысления Ничто в различных мифологических, философских и религиозных системах с древнейших времен до второй половины XX – начала XXI в. Констатируется концептуальная взаимосвязь Ничто с категориями хаоса[1], Изначального Небытия, инобытия, а также финального эсхатологического Небытия, мыслимого в качестве Абсолютного Конца Времен. В структуре так называемых *циклических мифологем* Ничто предстает воплощением «рубежного» момента перерождения бытия (образы умирающих/воскресающих божеств, сезонные календарно-обрядовые праздники, закольцованные сюжеты, мифы о загробной жизни и др.). В

[1] Солодухо, Н. М. Понимание онтологического статуса небытия [Электронный ресурс] / Н. М. Солодухо // Порталрус. – Режим доступа: http://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1308581208&archive=1480161548&start_from=&ucat=&. – Дата доступа: 03.05.2024.

традиционных представлениях Ничто связано не только с категорией пространства (означая отсутствие объекта, хаотичность изначального бытия[2] и т. д.), но и с категорией времени, определяя его линейно-циклическое понимание. В древнейших космогонических мифах Ничто осмыслено в качестве сакрального креационного начала, как одна из первооснов бытия, а также как форма небытия, включенного в циклическое бытие. Являясь объектом философского, религиозного и научного осмысления, Ничто выступает, с одной стороны, как фактор отрицания, с другой – как символ сферы *Сакрального, Непознанного, Абсолютного, Трансцендентного*. Во-первых, в процессе осмысления Ничто происходило постепенное расширение аспектов его рассмотрения от полемики о его онтологическом статусе к обсуждению вопроса о познаваемости и аксиологической значимости, во-вторых, актуализация данной категории в философском и научном дискурсе с одной стороны и творческая рефлексия о сущности Ничто в литературе характерны для «переходных», рубежных периодов истории. Подчеркивается, что ресакрализация Ничто в философии конца XIX – первой половины XX в., а затем его трансформация и деструкция в работах философов и ученых второй половины XX в. не могли не отразиться в эстетике и поэтике литературы модернизма и постмодернизма. Утверждается, что теоретико-литературное исследование этой трансформации, а также способов воплощения Ничто в тексте предполагает рефлексию над методологией анализа и интерпретацией его результатов.

В разделе 1.3 «**Методологические основы литературоведческого исследования творческой рефлексии о Ничто в тексте художественного произведения»** определяются ключевые теоретико-литературные положения, лежащие в основе изучения заявленной проблематики. Методология исследования Ничто в художественном произведении основывается на его понимании как телеологического фактора, обусловливающего целостность произведения, в котором вопросы авторской онтологии, гносеологии и аксиологии соотносятся со структурными уровнями объектной организации – хронотопом, образно-мотивной структурой и воплощенной в них системой ценностей. Ничто выступает проблемой художественной онтологии (*существует ли Ничто и каково его место в мироздании, в структуре времени и пространства?*), гносеологии (*познаваемо ли Ничто и какова его природа?*), аксиологии (*в чем ценность Ничто для человека, что оно значит для человеческого существования, как соотносится с категориями добра и зла?*). Авторское представление о структурной роли Ничто, его онтологическом статусе определяет характер хронотопа в произведении и должно рассматриваться через характеристику

[2] Саенко, Н. Р. Онтологическая поэтика пустоты / Н. Р. Саенко. – М. : Академия Естествознания, 2010. – 160 с.

пространственно-временных координат художественного мира. Гносеология Ничто – возможность познания и определения его природы – может быть рассмотрена путем анализа образно-мотивной структуры произведения. Аксиология Ничто как значимого аспекта художественной философии автора выражается в авторском отношении к системе ценностей творческого субъекта (лирического героя, персонажа, рассказчика, повествователя) и находит отражение в концептуальной целостности художественного произведения. Ничто в произведении выступает значимым фактором поэтики, обусловливающим построение хронотопа, специфику образно-мотивной системы и систему ценностных ориентаций автора и героя.

В главе 2 «Категория Ничто в художественной системе литературы модернизма» анализируется творческая рефлексия автора о мире и человеке в аспекте художественной реализации Ничто в онтологическом (структура художественного мира), гносеологическом (система образов и мотивов) и аксиологическом (совокупность маркеров ценностного отношения литературного субъекта – повествователя, персонажа, лирического героя – к мировоззренческим аспектам бытия) модусах.

В разделе 2.1.1 **«Ничто как фактор эстетики и поэтики модернизма»** определяются причины концептуального влияния представлений о Ничто на художественную философию и эстетику модернизма. Констатируется, что ощущение «рубежности» времени создавало неоднозначное восприятие мира: мистический страх «кануть в Ничто» вместе с «умирающим» миром, горечь утраты «прежнего» мира сочетались с ожиданием неизбежного возрождения. Именно поэтому Ничто становится системообразующим фактором художественной философии и эстетики модернизма. Модернизм возражает как против ницшеанской концепции «смерти Бога», так и против рационально-прагматического понимания бытия. Модернистская рефлексия о Ничто означает стремление к классическому ценностному отношению к миру, манифестирует спасение культуры, человеческого и божественного в человеке, утверждает представление о *высшем* (в онтологическом и ценностном смысле) *бытии*. Поэтому определяющим положением модернистской эстетики оказывается утверждение наличия Высшего и Сакрального, одним из репрезентантов которого в тексте становится Ничто.

Теоретики модернизма проявляют интерес к различным традициям осмысления Ничто в культуре и осваивают их в эстетике и поэтике. Гетерогенность наследуемых традиций порождает многообразие поэтико-философских концепций: установка на познание Непознаваемого через символическую образность, мифо-теургические построения как основа «негативной эстетики» XX в. сочетались с онтологизацией Ничто в хронотопе художественного произведения на основе сближения

архетипических оппозиций и утверждением ценности духовного усилия, направленного на постижение высшего смысла бытия. Таким образом, категория Ничто в эстетике модернизма выступает воплощением *онтологической проблематичности* непостижимого мира, признаком его *эпистемологической неопределенности*, соотнося Абсолютное и Непостижимое с Прекрасным.

В разделе 2.1.2 **«Ничто в хронотопе модернистского произведения»** показывается, что важным аспектом модернистской художественной философии становится осмысление природы времени, в связи с чем Ничто воспринимается в качестве «рубежа» циклической структуры бытия, что коррелирует с ницшеанской концепцией Вечного Возвращения и определяет временной модус воплощения Ничто. Изображаемое время предстает динамичным и конечным – приближающимся к своему завершению, что сопровождается процессами разрушения, разобщения, «развоплощения», опустошения пространства (М. Волошин, «Космос»). Поэты обращаются к приему детализации исчезающего, разрушающегося пространства: перед тем как кануть в Ничто, материя распадается на множество отдельных деталей, каждая из которых неизбежно исчезает в Пустоте (Д. Хармс, «Что делать нам?»). Динамика модернистского мира эсхатологична, моделируемому бытию свойственно движение к катастрофе (В. Брюсов, «Лик Медузы»). Падение в Ничто возвращает мир к истоку его бытия, к абсолютной Пустоте (А. Белый, «Больница»). Мотивы *уничтожения*, *распада*, *исчезновения* не только остаются ключевыми в модернистской картине мира в течение долгого времени, но и сохраняются в качестве наследия модернистской эстетики в творчестве авторов, чья художественная деятельность не укладывается в рамки какого-либо направления и/или приходится на более поздний период (М. Цветаева, И. Бродский). В произведениях модернистских авторов Ничто метафорически воплощается в локусах *пустыни*, *степи*, *пустой площади*, *опустевшего дома*, *заброшенного кладбища*; пустота внешнего мира коррелирует с ощущением душевной пустоты субъекта (Г. Иванов, Г. Гессе, С. Клычков, М. Цветаева). Пустота времени субъективируется так же, как Пустота пространства, и постижение Ничто оказывается сопряжено с ощущением «безвременья», застывания бытия. Символом такого рубежа может служить полночь либо смена времен года, а также образ остановившихся часов (З. Гиппиус, М. Волошин, Б. Пастернак, В. Набоков). Модернистская поэзия (А. Блок, О. Мандельштам, М. Волошин, И. Бродский и др.) актуализирует и эсхатологическую семантику Ничто. Пустота выступает семантическим эквивалентом древнего сакрального Ничто, «обрамляющего» бытие любого предмета, образа либо мира в целом; семантика пустотности (отсутствия) преломляется в таких оппозициях, как *живое – мертвое*, *наличие – утрата*, *созидание – уничтожение*, *вре́менное/временно́е – вечное*, *обыденное – сакральное*, *свет –*

тьма, где-то – нигде, бытие – небытие, когда-то – никогда, динамика – статика и т. п. Модернистский художественный мир организуется по логике двоичного кода, где «единицу» воплощает образ, предмет, знак, то есть нечто «наличествующее», а «ноль» – Пустота в различных формах. Модернистская Пустота «визуальна», «аудиальна» и «осязаема», она олицетворяет рубеж между прошедшим и будущим, между *временным* и *вечным*, между *обыденным* и *сакральным* пространством. Мыслимая в качестве метафизической «границы», Пустота связывает пространство и время, соединяет смежные отрезки бесконечного циклического бытия.

В разделе 2.2 **«Освоение непознаваемого Ничто в образно-мотивной системе»** определены особенности «опредмечивания» ментального феномена Ничто в тексте. Непостижимость Ничто для познавательного усилия не препятствует стремлению модернистов к интуитивному освоению и опосредованному осмыслению этой категории, поэтому мотив *падения в Ничто* определяет образную систему модернизма начиная с рубежа XIX–XX вв. и моделирует структуру художественного целого, формируя *образно-мотивную* систему текста. Метафорически с Ничто коррелирует архетипический образ *бездны* либо *морской пучины*, которой сопутствуют мотивы *опустошенности, холода* и *темноты*; пустота соотносится со *слепотой* (отсутствие зрения = отсутствие бытия), что усиливает мотив обреченности, неизбежности умирания и исчезновения предмета, подчиненного власти Небытия (Ничто). Ничто метафорически олицетворяют *белый цвет* и *вода* (предстающая в образе Океана, в застывшем виде превращающаяся в *снег* и *лед*); Пустоту воплощают *серый* и *черный цвет, прах, пыль, чистый лист, склеп, вакуум, хаос*. Одной из важнейших форм «овеществленного» воплощения Ничто становится актуализация сенсорного восприятия мира лирическим героем в аспекте антитезы тишина – звук, вследствие чего в позднем модернизме появляются оксюморонные сочетания, связанные с аудиальным модусом освоения мира лирическим героем (И. Бродский). В социокультурном аспекте разрабатывается проблематика внутреннего опустошения жизни («Степной волк» Г. Гессе, проза С. Кржижановского, М. Булгакова, Е. Замятина), в результате возникает стремление к «преодолению Пустоты эпохи», к заполнению духовно-нравственного вакуума. Развивается антитеза немота – слово, где *слову* как метафоре творения отводится роль вечного креационного начала, преодолевающего власть Ничто.

Столкнувшись с принципиальной непознаваемостью Ничто, модернизм поначалу пытается выявить неоднозначную природу данного ментального феномена путем разработки обеих сторон архетипических оппозиций, синонимического уравнивания Ничто с Пустотой, опредмечивания абстрактного понятия в системе визуальных, аудиальных образов, но в итоге отказывается от его осмысления, обратившись к поэтике

оксюморона. Предметное *оскудение мира* в поэзии модернизма ассоциируется с оскудением жизни, с *замещением предмета Пустотой* либо с переходом человека в непостижимую сферу бытия после жизни. Система образов и мотивов, связанных с воплощением Ничто в модернистском тексте, является амбивалентной: противопоставляя бытие небытию, творение – смерти, созидание – исчезновению, творческая рефлексия о Ничто обеспечивает иерархическую взаимообусловленность всех явлений изображаемого мира.

В разделе 2.3. «**Утверждение аксиологического дуализма Ничто»** определяется ценностная специфика данной категории в модернистской художественной философии. Дуальная онтологическая специфика Ничто (связанная с сочетанием противоположных сторон архетипических бинарных оппозиций) означает, что в нем объединяются черты бытия и небытия. Ощущение приближения конца мира, конца культуры и искусства потребовало от модернистов построения и утверждения системы аксиологических параметров, отражающих противоречие между наличествующим и долженствующим, ложным и истинным, а также между подлинными и мнимыми ценностями. На первый план выходит проблема художественного субъекта как носителя ценностных представлений о мире. Одним из результатов такой установки становится четкое разграничение положительного и отрицательного в системе изображаемых явлений, их недвусмысленное *аксиологическое маркирование* (М. Волошин, А. Белый, А. Блок, Ж. Мореас), наряду с которым используется прием *иронического переосмысления* (Г. Иванов, О. Мандельштам, И. Бродский) либо гротескной трансформации (Г. Гессе) ценностей эпохи. Г. Гессе открывает для модернистской художественной философии наработки юнгианской психоаналитической теории и использует их при построении индивидуальной аксиологии («Степной волк»). Поэтика модернизма актуализирует проблему соотношения *объективного* и *субъективного* в ценностном отношении к миру. Проекция аксиологических законов универсума (мыслимых как находящиеся вне сферы оценочных суждений) на личность и судьбу лирического героя приводит к обострению противоречий в сфере как духовных, так и нравственных исканий. Художественный субъект модернистской литературы стремится к утверждению *вечных общечеловеческих ценностей*, в числе которых важнейшее место занимает творчество в его возвышенном, сакральном понимании. Делается вывод, что категория Ничто представляет собой аксиологический ключ модернистской эстетики, отражаясь в базовых бинарных оппозициях *нечто – Ничто, предмет – пустота, жизнь – смерть, свет – тьма, день – ночь, твердь – бездна*. Система образов и мотивов задает ценностную структуру художественного мира, моделирует и упорядочивает изображаемое бытие, обеспечивая единство художественной реальности, ее смысловую иерархию.

Ценностное видение Ничто оказывается неотделимым от художественного осмысления категории времени, которое также получает неоднозначную коннотацию, становясь дуальной (творящей и уничтожающей) силой. «Диалог с Пустотой» высвобождает творческую энергию субъекта, побуждая к актуализации культурного наследия, приобщению к духовному опыту прошлого.

В главе 3 **«Деонтологизация категории Ничто в постмодернистской литературной парадигме»** выявляется семантическая специфика категории Пустоты, которая в эстетике постмодернизма заняла доминирующую позицию, подобно категории Ничто в модернизме. Философия и эстетика постмодернизма во многом связаны с идеями *хаологии*, получившей развитие во второй половине XX в. Если для модернистской картины мира характерно структурирование бытия (как «обыденной», так и «высшей» его сферы), то постмодернистская тяготеет к преодолению идеи структурности, к отрицанию познаваемости нелинейного, неоднозначного мира, а также к отказу от представления о трансцендентном.

В разделе 3.1.1 «**Опустошение знака в постмодернистской эстетике и поэтике»** показывается, что идея децентрации и деконструкции структуры и субъекта предполагает семантическое опустошение постмодернистского образа и его принципиальную смысловую неопределенность. Если искусство модернизма тяготеет к созиданию, к построению иерархии, то постмодернистская художественная парадигма – к деконструкции, хаотизации, анархии; *метафизическое* видение мира уступает место *ироническому*. Эстетика постмодернизма девальвирует категории возвышенного и сакрального. Постмодернистский мир, как и модернистский, не представляется доступным для гносеологического усилия, однако не в силу наличия в нем Сакрального и Непознаваемого, а вследствие признания его пустотной сущности, следовательно, постмодернистская гносеология Пустоты направлена не на создание образа, а на его деструкцию. Моделирование хронотопа в произведении определяется такими факторами, как расслоение, децентрация (преодоление структуры, замещение систематизации хаотизацией, моделирование семантического и эстетического мультиверсума), виртуализация (построение пустой, «фиктивной» художественной реальности, «означающего без означаемого»); деструкция (разложение и рекомбинированное использование существующих в культурном дискурсе элементов семантического кода вплоть до полного их обессмысливания и опустошения); условность (в том числе, нарочитая неестественность изображаемого); разрушение системы бинарных оппозиций; ироническое «принижение» возвышенного. В отличие от модернистской парадигмы, художественный мир постмодернистского произведения не представляет собой семантического и эстетического целого, организованного сообразно единой структуре; пространство и время

подвергаются множественным трансформациям, становясь пустой формой, открытой для неопределенного множества смыслов, содержащей множество «*смысловых лакун*».

В разделе 3.1.2 **«Пустота как фактор хаотизации художественного мира»** утверждается, что трансформация мировосприятия, свойственная постмодернистской эпохе, обусловила изменение модели мира, построение художественной реальности, пространства и времени. Распадается структурированная картина мира, возникает мультиверсум, в котором реальное и виртуальное, противореча друг другу, сосуществуют в рамках неопределенного семантического поля; доминирующее положение в хронотопе занимает пространство.

В качестве одной из художественных стратегий воплощения данной концепции в постмодернистской поэтике развивается мотив симулятивности, галлюцинационности и иллюзорности природы мира и мифа о мире (романы «Остров накануне» и «Баудолино» У. Эко; «Чапаев и Пустота» и «t» В. Пелевина, поэзия Т. Кибирова, Д. Пригова, Г. Сапгира, Л. Рубинштейна).

Другим способом хаотизации постмодернистского хронотопа является противопоставление в произведении различных идей о проблеме Пустоты, сопоставление концепций времени и пространства в форме семантической диффузии реального и виртуального, истинного и мнимого (У. Эко). Мир становится плюральным, утрачивает единую структуру, будучи преломленным через сознание главного героя, утратившего представление о границе между реальным и ирреальным, между действительным и воображаемым. *Мультиверсум* противопоставляется *универсуму*, в то время как проблема существования либо отсутствия Пустоты в мире обыгрывается либо в религиозном, либо в натурфилософском аспекте. Расслоение постмодернистского хронотопа, происходящее благодаря трансформациям в сознании главного героя, приводит к хаотизации мира, усилению его алогичности, условности (В. Пелевин). Искаженный мир начинается с искаженного сознания, и одним из ключевых мотивов становится преодоление иллюзий, мира и самого мышления, логики, завершением которого оказывается выход в сферу неощутимого и невыразимого. Постмодернистское время/пространство распадается на взаимоисключающие сферы, начинает разветвляться и порождать внутренние противоречия; при этом именно семантическая и ценностная неоднозначность служит бесконечным источником смыслопорождения постмодернистского текста. Разрозненные части изображаемого мира не складываются в структурированное целое, а сосуществуют по принципу оксюморона (У. Эко, Х. Л. Борхес, А. Б. Касарес). *Бытие* приравнивается к *наррации*, хаотизированный текст иронически переосмысливает действительность (проза В. Пелевина, поэзия Т. Кибирова, В. Тучкова, И. Жданова). Постмодернистская Пустота, таким образом, становится истоком творения

мира как мира знаков, иллюзий, не имеющих отношения к реальности, которая утрачивает бытийный статус.

Постмодернистский мир заключает в себе лакуны и пустоты, трансформирующие как временные, так и пространственные его параметры; пустотность становится «вещественнее» предметности. Поэтика постмодернизма моделирует пустую реальность, которой чужды образы, способные нести смысловую и аксиологическую нагрузку.

В разделе 3.2 **«“Опустошение предмета” и утрата означаемого в тексте как гносеологический тупик»** показывается, что осмысление категории Пустоты становится одной из ключевых проблем постмодернистской эстетики: Пустота является не только средством выражения смысла, но и предметом мысли, объектом художественной рефлексии. Одним из проявлений постмодернистской «пустотности» является наличие гибридно-цитатных симулятивных персонажей («t», «Омон Ра», «Чапаев и Пустота» В. Пелевина, романы «Остров накануне» и «Баудолино» У. Эко). Происходит «рассеивание субъекта» в процессе иронической игры; неразличение *истинного* и *ложного/мнимого* (поэзия И. Холина, И. Жданова), *мифа* и *действительности*, *виртуального* и *реального* («Танцор» В. Тучкова, «Принц Госплана» В. Пелевина), *текстового* и *внетекстового* («t» В. Пелевина). Онтологическая опустошенность постмодернистского мира, его внутренняя *беспредметная* сущность *ликвидирует противоречие* между бытием и небытием, *временем жизни* и *временем вечности*. Образно-мотивная система постмодернистской Пустоты преодолевает принцип структурности, поскольку Пустота имплицируется в сам постмодернистский знак, в результате происходит внутреннее опустошение художественного мира, предмета, героя, слова. Постмодернистское время/пространство, наполненное разнообразными объектами, является пустым, поскольку каждый из его элементов представляет собой пустую форму, соотносимую со *смысловой лакуной*. Слово становится «означающим без означаемого», а значение становится «пустым»/нулевым, что отражается в увеличении роли языковой игры в поэзии (Т. Кибиров, Л. Рубинштейн, Д. Пригов, Г. Айги). Как следствие, в литературе постмодернизма усиливается роль мотива *освобождения (от) сознания*. Категория Пустоты в постмодернистской парадигме указывает на недоступность любого объекта для гносеологического усилия; Пустота понимается как «вопрос без ответа», пробел на месте искомого, но не существующего означаемого. В отличие от модернистской художественной философии, стремившейся постичь Непостижимое, проникнуть в «тайны мироздания», в его высшие, недостижимые сферы, парадигма постмодернизма утверждает идею принципиальной непознаваемости мира, его виртуальной, иллюзорной и субъективной природы.

В разделе 3.3 **«Ценностная нейтрализация Пустоты в произведении как проявление аксиологического релятивизма»** показывается, что отказ от дуальной картины мира (характерной для модернистской эстетики), стремление к ее максимальной плюрализации в рамках постмодернистской парадигмы обусловливают переосмысление основных аксиологических констант: на смену идее о наличии *объективных* и *общезначимых* аксиологических ориентиров приходит утверждение *субъективных и индивидуальных* ценностей. *Релятивистское восприятие мира*, человека, художественного целого, феномена творения приводит к использованию новых приемов, выражающих новое понимание человека, его места в мире. *Столкновение/смешение бытового и бытийного*, актуализируемое в постмодернистской эстетике, свидетельствует о разрушении иерархической модели мира, о переосмыслении логики противопоставления *высокого низкому*. Это отражается в смешении высокого стиля и сленговой либо разговорной лексики (Т. Кибиров, Г. Сапгир), столкновении ценностно возвышенных и ценностно сниженных образов (И. Жданов), саркастическом снижении классической традиции выражения любовных переживаний в высокой поэзии (Г. Сапгир, М. Уэльбек). *Снижение сакрального*, разложение «мифов» о мире приводит к ценностной трансформации: категория непостижимого исключается из ценностной парадигмы; абстрактно-философскому модусу восприятия мира противопоставляется конкретно-эмпирический, единственно истинной реальностью становится та, что проявляет себя в субъективном ощущении и переживании; обыгрывается классическая тема «природа – цивилизация» (в аспекте сопоставления *естественного* и *технического*). Используется прием *иронического переосмысления* явлений, традиционно считавшихся священными (Т. Кибиров). Фактором опустошения ценностной системы становится философская установка на «*обесчеловечивание*» изображаемого мира, исчезновение человека из пространства (И. Бродский, В. Бурич, М. Уэльбек). «Отсутствие» человека означает его «замещение» Пустотой, что приводит лирического героя к ощущению отстраненности от мира, от самого себя. В качестве знаковой особенности постмодернистской поэтики выступает отказ от аксиологического маркирования изображаемых событий и явлений (М. Уэльбек), когда художественный субъект тяготеет к *неразличению ценности и антиценности*, словно исчезая из аксиологического поля культуры.

Основные научные результаты диссертации

1. Ничто является объектом осмысления на протяжении всей истории мировой культуры. В древнейших космогонических мифах Ничто предстает сакральным креационным началом, одной из первооснов бытия, формой небытия, включенного в циклическое бытие. В качестве предмета философского, религиозного и научного осмысления Ничто выступает как

объект онтологии отрицания и символ сферы Сакрального, Непознанного, Абсолютного, Трансцендентного, а также как метафора хаоса, неструктурированного первоначала. Усиление интереса к Ничто характерно для «переходных», рубежных периодов истории, в том числе для XX в., когда данная категория осмысливается не только как проблема онтологии и гносеологии, но и как аксиологическая проблема. До рубежа XIX–XX вв. понятия Ничто и Пустота не дифференцировались, их расхождение совершилось при переходе от модернистской к постмодернистской философско-художественной парадигме. В литературе XX в. Ничто и Пустота выступают значимым фактором эстетики и принципом построения художественного мира произведения [1; 2; 7; 9].

2. Методология исследования творческой рефлексии о Ничто в модернистской и постмодернистской литературе основывается на признании авторского представления о бытийном статусе данной категории в качестве телеологического принципа, который обусловливает целостность произведения. Онтологический модус осмысления Ничто проявляется в построении хронотопа, гносеологический модус – в системе образов и мотивов, аксиологический модус – в специфике ценностного отношения субъекта к миру [3; 5; 7; 9].

3. Рубеж XIX–XX вв. стал временем смены культурных, философских, эстетических и художественных парадигм и выдвинул новую эстетику, системообразующим фактором которой в литературе модернизма стала категория Ничто, реализуемая в семантике «нулевого времени» и «нулевого пространства» в качестве рубежного момента бесконечного циклического бытия. Мифологические истоки Ничто проявляются в построении ситуации «остановившегося времени», конечного бытия, утраченного предмета либо прерванного существования. Ничто приобретает двойственную семантику, связывая структурные элементы хронотопа и разграничивая их; бесконечное (циклическое) время Вселенной противопоставляется конечному времени существования субъекта/предмета.

Опустошенный в смысловом и структурном отношении постмодернистский хронотоп утрачивает референтность, становясь ирреальным, виртуальным, хаотичным, функционируя в форме семиотического мультиверсума, преодолевая концепцию структурированности. Постмодернистская поэтика отказывается от сферы Сакрального, редуцирует Ничто; время и пространство в постмодернистском тексте утрачивают определенность, превращаясь в хаотически организованный конструкт и становясь объектом иронической интеллектуальной игры. Смоделированный таким образом художественный мир текста «отрицает» себя, приобретая признаки неопределенной плюральности; хаосмос постмодернистского мультиверсума служит фактором потенциальной смысловой бесконечности.

4. В модернистской художественной парадигме осмысление предельно абстрактной категории Ничто осуществляется через актуализацию архетипических бинарных оппозиций нечто – Ничто, предмет – пустота, жизнь – смерть, свет – тьма, день – ночь, твердь – бездна. «Опредмечивание» Ничто (в визуальном, аудиальном и тактильном модусах) порождает разветвленную систему образов и мотивов (небытие – бездна – тьма – вечность – пустыня – холод – смерть – вакуум – утрата – чистый лист – созидание – одиночество – свобода – уничтожение – творение – тишина – беззвучие – слово – Истина – Бог), которые воплощают мысль о проникновении небытия в бытие, опустошении времени и пространства, а также о бесконечности сущего. Двойственная система образов и мотивов тяготеет к оксюморонности, к моделированию внутренне противоречивого и принципиально непостижимого объекта/явления.

В качестве объекта познания категория Пустоты в постмодернистской художественной парадигме осмысливается как «вопрос без ответа», как пробел на месте отсутствующего означаемого. Утверждение виртуальной, иллюзорной и субъективной природы реальности осуществляется через столкновение различных философских, эстетических, религиозных, мистических, научных учений о Пустоте, через опустошение, плюрализацию и расслоение предмета/образа, что приводит к редуцированию его семантического потенциала, в результате художественное целое превращается в «пустое означающее», лишенное референта. Гибридно-цитатный образ характеризуется смысловой неоднозначностью и внутренней противоречивостью.

5. Аксиология Ничто в художественной философии модернизма носит амбивалентный характер. Переосмысление бесспорных, вечных и объективных ценностей сочетается с утверждением абсолютной ценности жизни, творчества, любви; переживание одиночества и внутренней опустошенности – с их преодолением в творчестве. Динамика ценностного осмысления Ничто определяется движением от отрицательного к положительному полюсу, от утверждения смерти и конца мира к идее творения мира из небытия, что находит отражение в сакрализации феномена художественного (в первую очередь литературного) творчества.

Постмодернизм преодолевает системную логику бинарных оппозиций, децентрирует и хаотизирует ценностную структуру художественного текста. Десакрализация культурного кода разрушает ценностное единство текста, «опустошая» его; Абсолютное Ничто уступает место Пустоте как «фактору отрицания»; неразличение высокого и низкого проявляется в диффузии или инверсии ценностей и антиценностей; семантика Пустоты включает компонент оксюморонности, организующей неопределенную, неструктурированную аксиологию художественного мира.

Категория Ничто, выступая важным фактором художественной философии модернизма и постмодернизма, обнаруживает принципиально различное понимание и способы воплощения в тексте, что позволяет считать ее дифференцирующим маркером двух отдельных, хотя и взаимосвязанных, этапов литературного процесса XX в.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

Статьи в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук ВАК при Минобрнауки Российской Федерации

Журнал категории К 1

1. Житко Р. Г. Онтологизация категории Пустота в философии, эстетике и поэтике литературы русского постмодернизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, Выпуск 11. – С. 4246–4252.

Журналы категории К 3

2. Житко, Р. Г. Метафизическая рефлексия о Ничто в литературе модернизма и постмодернизма / Р. Г. Житко // Modern Humanities Success/Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 11. – С. 80–84.

3. Житко Р. Г. Категория Ничто как фактор эстетики и поэтики литературы модернизма // Семиотические исследования. Semiotic studies. – 2024. – Т. 4, № 3. – С. 62–68.

Статьи в научных журналах:

4. Житко, Р. Г. Ничто/Пустота как феномен культуры: исторический аспект / Р. Г. Житко // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2017. – Т. 7, № 1. – С. 6–14.

5. Житко, Р. Г. Категория Ничто/Пустоты как фактор модернистского хронотопа / Р. Г. Житко // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2018. – Т. 8, № 2. – С. 24–32.

6. Житко, Р. Г. Семантика Пустоты в модели мира постмодернистского текста / Р. Г. Житко // Питання літературознавства. – 2018. – № 97. – С. 23–42.

7. Житко, Р. Г. Образно-мотивная структура категории модернистской поэтики «пустота» / Р. Г. Житко // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2018. – № 10. – С. 80–89.

8. Житко, Р. Г. Категория Пустоты в поэтике постмодернизма / Р. Г. Житко // Миргород. – 2018. – № 2 (12). – С. 61–81.

9. Житко, Р. Г. Ценностная нейтрализация категории пустоты в литературе постмодернизма как отражение аксиологического релятивизма // Ученые записки учреждения образования «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова» : сб. науч. тр. / ВГУ им. П. М. Машерова ; редкол.: А. В. Егоров (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2019. – Т. 30. – С. 141–145.

10. Житко, Р. Г. Методологические основы литературоведческого исследования категории Ничто/Пустота в литературе модернизма и постмодернизма // Р. Г. Житко // Миргород. – 2019. – № 1 (13). – С. 149–164.

11. Житко, Р. Г. Аксиологический дуализм категории *Ничто* в литературе модернизма // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 44–51.

Статьи в сборниках научных работ

12. Житко, Р. Г. Концепт пустоты в поэтике Иосифа Бродского / Р. Г. Житко // Наука–2012 : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Г. М. Третьяков (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2012. – Ч. 1. – С. 176–178.

13. Житко, Р. Г. Эпохи И. Бродского и В. Пелевина: эволюция концепта «Пустота» / Р. Г. Житко // Антропология литературы: методологические аспекты проблемы : сб. науч. ст. : в 3 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2013. – Ч. 1 – С. 231–236.

14. Житко, Р. Г. Роль концепта «пустота» в художественном миромоделировании: лирика И. Бродского / Р. Г. Житко // Наука–2014 : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Г. М. Третьяков (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2014. – Ч. 1. – С. 168–171.

15. Житко, Р. Г. Специфика времени и пространства в лирике И. Бродского: философско-антропологический аспект / Р. Г. Житко // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2014. – Ч. 2. – С. 315–323.

16. Житко, Р. Г. Категория пустоты в романе Умберто Эко «Баудолино» / Р. Г. Житко // Наука–2015 : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Г. М. Третьяков (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2015. – Ч. 2. – С. 39–41.

17. Житко, Р. Г. Мотив духовного возрождения в романе Умберто Эко «Баудолино» / Р. Г. Житко // Studia Theologica Grodnensia : зб. навук. арт. / рэдкал.: А. Шчупал (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродно, 2015. – Вып. 9. – С. 307–313.

18. Житко, Р. Г. Диалектика христианских и постмодернистских идей в романе У. Эко «Баудолино» / Р. Г. Житко // Мир в слове. Слово в мире (к 70-летию кафедры русской и зарубежной литературы ГрГУ) : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2015. – С. 288–296.

19. Житко, Р. Г. Художественное воплощение и коннотация категории пустоты в романе В. О. Пелевина «t» [Электронный ресурс] / Р. Г. Житко // Уральский филологический вестник. Сер. «Русская литература XX–XXI веков: направления и течения». – 2016. – Вып. 17, № 3. – Режим доступа: http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/16010/1/ufv-2016-03-17.pdf. – Дата доступа: 15.01.2022.

20. Житко, Р. Г. Диалектика Пустоты и времени в цикле эссе Х. Л. Борхеса «История вечности» / Р. Г. Житко // Антропология времени : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2016. – Ч. 2. – С. 37–42.

21. Житко, Р. Г. Коннотация пустотности в романе Г. Гессе «Степной волк» [Электронный ресурс] / Р. Г. Житко // Уральский филологический вестник. Сер. «Драфт: Молодая наука». – 2016. – № 5. – Режим доступа: http://journals.uspu.ru/attachments/article/1408/%D0%A1%D1%82%201.pdf. – Дата доступа: 15.01.2022.

22. Житко, Р. Г. Особенности построения художественной реальности в поэтике постмодернизма / Р. Г. Житко // Мир в слове. Слово в мире : сб. науч. ст. / ГрГУ им Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2017. – Вып. 2. – С. 134–140.

23. Житко, Р. Г. Основные особенности и художественная трансформация постмодернистской поэтики романа В. О. Пелевина «t»: структура и семантика / Р. Г. Житко // Estetyczne modele literatury rosyjskiej: estetyka i światopogląd; red.: A. Baczewska-Murdzek, W. Biegluk-Leś, E. Pańkowska. – Białystok, 2018. – S. 155–163.

24. Житко, Р. Г. Гносеология *Ничто* в литературе модернизма / Р. Г. Житко // Человек говорящий, пишущий, читающий в литературе : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2019. – Ч. 2 – С. 46–55.

25. Житко, Р. Г. Категория Ничто/Пустота как фактор поэтики белорусской литературы рубежа XX–XXI вв. в контексте развития мировой литературы / Р. Г. Житко // Норма и отклонение в литературе, языке и культуре: коллект. моногр. / отв. ред. Т. Е. Автухович. – Гродно : ЮрСаПринт, 2021. – С. 295–301.

Материалы конференций

26. Житко, Р. Г. Категории времени, пространства и Пустоты в лирике И. А. Бродского / Р. Г. Житко // Классика и современность в изящной словесности XIX–XXI столетий : сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов по итогам Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, Брест, 19–20 февр. 2015 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол: Л. М. Садко, Н. В. Новогродская ; под общ. ред. Т. В. Сенькевич. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 71–76.

27. Житко, Р. Г. Специфика отражения христианских идей в романе У. Эко «Баудолино»: мотив духовного возрождения / Р. Г. Житко // Христианские ценности в культуре современной молодежи : сб. докл. IV междунар. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 18 дек. 2015 г. / Ин-т теологии им. Святых Мефодия и Кирилла БГУ ; редкол.: С. И. Шатровский, С. А. Юшкевич. – Минск: БГУ, 2016. – С. 57–61.

28. Житко, Р. Г. Специфика постмодернистского хаосмоса в романе В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота» / Р. Г. Житко // Современная русская и зарубежная литература: «новое» как историко-литературная проблема : материалы Междунар. науч. конф., Воронеж, 25–26 марта 2016 г. / Воронежский гос. ун-т ; отв. ред. А. А. Житенёв. – Воронеж : ВГУ, 2016. – С. 193–199.

29. Житко, Р. Г. Жанровая специфика романа В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота» / Р. Г. Житко // Стратегии жанрового развития русской литературы в мировом историко-культурном контексте : сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 16–17 марта 2016 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол: Л. М. Садко, Н. В. Новогродская ; под общ. ред. Т. В. Сенькевич. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 64–68.

30. Житко, Р. Г. Структура и семантика хронотопа в романе У. Эко «Баудолино» / Р. Г. Житко // Искусство слова в диалоге культур: литературные иерархии и репутации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 15–16 февр. 2018 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Л. В. Скибицкая, О. Н. Ковальчук ; под общ. ред. Т. В. Сенькевич. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 233–238.